

Анна Жнец

**СТАРУШКА-МОЛОДУШКА
И НОВОГОДНЕЕ ЧУДО(ВИЩЕ)**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ж77

Жнец А.
Ж77 Старушка-молодушка и новогоднее чудо(вище) / Анна Жнец – М.: Литнет, 2025. – 216 с.

ISBN 978-5-521-93175-0

Под самый Новый год меня приносят в жертву ужасному дракону, затворником живущему в таинственном замке Блэквуд. Его бояться и называют чудовищем, поэтому пытаются задобрить. Говорят, ни одну девицу, что переступила порог Блэквуда, больше не видели в живых. Но знаете, что я думаю? Не чудовище живет в замке на холме, а заколдованный граф. Суровый одинокий мужчина, потерявший надежду на счастье. Кому как не мне снять с него проклятье и вернуть веру в любовь? Тем более я не юная овечка Мэри Клоди, а русская попаданка Мария Львовна — женщина не робкого десятка, за плечами которой семидесятилетний опыт.

Замок, пришедший в упадок, восстанавливаю. Местный народ праздновать Новый год научу!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93175-0

© Литнет, 2025
© А. Жнец, 2025

Оглавление

Глава 1. Вторая молодость	5
Глава 2. Волшебная сила борща	18
Глава 3. Сборы	39
Глава 4. Таинственный замок на холме	48
Глава 6. Загадка запертой комнаты.....	77
Глава 7. В поисках служанки	86
Глава 8. Обновка	108
Глава 9. Покупка экипажа и работный дом.....	118
Глава 10. Семья.....	132
Глава 11. Запоздавший праздник	143
Глава 12. Заговор	162
Глава 13. Самоотверженность и любовь	184
Глава 14. Арлетт.....	203
Эпилог.....	212

Глава 1. Вторая молодость

Сестра моя, пока была жива, любила повторять: «Что для женщины главное? Муж надежный, семья крепкая, детишек побольше. Карьеры эти ваши, саморазвитие, путешествия – блажь. Важно в старости не остаться одинокой. Чтобы было кому тебе немощной подать стакан воды».

Верила я ее заветам, с мужем своим любимым Ванюшей душа в душу прожила пятьдесят годков, двоих детей родила, всю себя отдала родным и близким. И вот мне семьдесят, а подать стакан воды некому. Благо не нужна мне пока чужая помощь. Сама до кухни дойду и себе чай заварю. Изредка, правда, навещает меня Галечка, социальный работник. Окна моет да продукты приносит из большого супермаркета через дорогу, а в остальном сама, все сама.

Ванюша мой полгода назад ушел, царствие ему небесное. После второго инсульта долго я его выхаживала: утки носила, обмывала и обтирала, пока к любимому не вернулась подвижность, а потом как гром среди ясного неба – третий инсульт, роковой. Сильно я сдала после его смерти – горе такое.

Но сегодня Новый год, не время для плохих мыслей. Кости не болят, давление не скачет – уже хорошо. За окном снежок крупными хлопьями в воздухе кружится. Благодать! И праздничный стол почти готов. Сыночки мои, гордость моя, Игорек со Славиком, приехать обещали. С женами, с внуками. Аж из другого государства. Несколько месяцев их не видела. Занятые оба, в крупных фирмах работают, не последнюю должность занимают.

Думала я о новогоднем вечере, и сердце замирало от счастья, от предвкушения. Хотя бы на пару часиков разорвать липкую паутину одиночества, послушать живые голоса, радостный смех, а не тишину и телевизор. Насладиться вниманием сыновей, которым посвятила всю жизнь. Под бой курантов сидеть за накрытым столом среди большой шумной семьи и любоваться внуками.

Открыв холодильник, я с гордостью оглядела заставленные полки – результаты своего труда. Оливье и селедка под шубой, заливное с языком, яйца, фаршированные грибочками, курочка в миске маринуется к вечеру. Ох и пришлось попотеть, чтобы все это приготовить. В моем возрасте несколько часов отстоять у плиты – настоящий подвиг.

Зазвонил телефон. Подарок Игорька на прошлый день рождения. Мобильник. Большой. Страшно неудобный. Без кнопок. В экран пальцем надо тыкать.

Сам Игорек и звонил.

С радостной улыбкой я ткнула, куда надо, и поднесла трубку к уху.

– Алле. Сынок, вы уже подъезжаете?

Из телефона раздался родной голос:

– Тут такое дело, мам. Надя заболела. Мы не приедем. Извини.

Внутри стало пусто. Сына я не видела несколько месяцев. Теперь еще столько же не увижу. Вот напасть под самый праздник!

– Что-то серьезное?

Надя – жена Игорька, хорошая девка. Не девка уже, конечно, – женщина. Сорок лет как-никак. Добрая, хозяйственная, вежливая, двух девочек-погодок родила и вынянчила. Любила я ее как родную дочку.

– Температура.

– Высокая? – беспокоилась я.

– Да нет. Тридцать семь. Вирус какой-то. Не поедem же мы к тебе больные.

– Конечно-конечно, поправляйтесь. Наде привет передавай и поздравления. Здоровья пожелай!

Со вздохом я опустила мобильник на тумбу рядом с телевизором. За окном, за пеленой снегопада, мигала огоньками украшенная елка: каждый год, за неделю до праздника, соседи ставили ее рядом с подъездом и наряжали.

Игорек, Надя, Саша, Иришка не приедут, но хотя бы половина семьи соберется. Не одна – это главное. Устала я быть одной. Сил уж нет.

Всю жизнь привыкла быть кому-то нужной: то детям малым, то мужу больному, неходячему после инсульта, а тут бац – и никому не нужна, все прекрасно без меня обходятся.

Мобильник на тумбе снова ожил, завибрировал, наполнил тишину зала бодрой мелодией, почему-то показавшейся неуместной. На экране в кружочке над номером телефона высветилась фотография моего младшенького, Славика, и сердце вдруг кольнуло дурным предчувствием.

– Алле? – шепнула я в трубку.

– Мам, тут это. Даже не знаю, как сказать. Неудобно.

Я прикрыла глаза.

– Максим – балбес. Еще на выходных просил его тебе позвонить и передать, что мы не приедем. Забыл, бестолочь. Но его тоже можно понять. Сессия, закрутился. В общем, не жди нас. Ты уж прости. Работы навалилось. Начальник на меня рассчитывает. Я не могу подвести фирму и коллектив. Ты же знаешь, все на мне держится.

– Знаю, – выдохнула я, судорожно сжимая трубку.

– Ты не грусти там. Игорь с семьей приедет, тебя развлечет.

– Да.

– И мы тебя навестим как-нибудь. Может, через месяц. Или два. Славик поздравил меня наспех, и телефон замолчал.

Снаружи мело. Искусственная елка за окном весело мигала. Первый этаж – весь двор как на ладони. Мимо моего окна прошел сосед, везя на санках своего пятилетнего мальчонку, оба засыпанные снегом, похожие на два сугроба.

Где-то наверху заиграла музыка. Навалилась чудовищная усталость.

Весь день провела на ногах, готовила. Все зря. Куда мне столько еды? В семьдесят уже и есть особо не хочется. Тем более в одиночестве.

Сгорбившись, опустив голову, я зашаркала на кухню и распахнула дверцу холодильника. На верхней полке в майонезе и приправах мариновалась курица. Ее надо было запечь, но какой уже смысл?

Пусть стоит до утра. А я лягу спать пораньше, чтобы этот новый год скорее закончился. Ждать больше некого и нечего.

Голова разболелась, спина заныла, ноги налились свинцовой тяжестью – все болячки мгновенно дали о себе знать. От радостного оживления не осталось и следа. Я потянулась за тонометром в шкафу, чтобы смерить давление, но в дверь позвонили, рука дернулась – и вещи с верхней полки посыпались на пол: салфетки, аптечка, швейный набор. И кого там принесла нелегкая?

Раздраженная, я посмотрела в глазок: на лестничной клетке стоял тучный мужчина в черном пуховике.

– Кто там?

– Мария Львовна? Это по поводу наследства и завещания.

– Какого наследства и завещания?

– Покойного Ивана Громова.

Судорожно сглотнув, я приоткрыла дверь на цепочке. Мужчина за порогом имел крайне неприятную наружность. Щеки толстые, красные, глаза маленькие, свинячьи, нос картошкой и второй подбородок, лежащий поверх мокрого, заснеженного шарфа.

– Ваня умер полгода назад. О каком наследстве вы говорите? Никакого завещания не было.

– Эта квартира, – в глазах-щелках, заплывших жиром, зажегся алчный огонек.

– Принадлежит мне и его детям.

– Вот именно! – воскликнул толстяк, и от избытка эмоций его второй подбородок заколыхался. – Его детям. Всем. Троицким.

– Двоим, – поправила я, ежась от холода, проникающего в прихожую с лестничной клетки.

Надо скорее избавиться от странного гостя, пока не простудилась. Шутка ли захворать в таком возрасте.

– Троицким, – возразил тучный господин в пуховике.

– Двоим. Мне лучше знать, сколько у нас с Ваней детей. Кто вы? Что вам надо?

– Я сын Ивана Громова. Вашего мужа. А вот, – он сунул мне под нос какую-то бумажку, – его завещание. У меня доля в этой квартире.

– Что за чушь вы городите? Как смеее осквернять светлую память моего супруга! – возмущенная до глубины души, я попыталась закрыть дверь, но незнакомец вовремя успел подставить ногу. Дверь уперлась в черный ботинок с шапкой налипшего снега.

– И вовсе это не чушь. Вы прочтите, прочтите, что написано в документе, – и толстяк снова затряс своей писулькой.

Не было у Ванюши никаких детей, кроме Игорька и Славика. Наш брак у него первый и единственный, а я его первая и единственная женщина. Поженились, когда нам было по двадцать лет, и с тех пор на сторону не глядели.

– Вон отсюда, мошенник! Я полицию вызову.

– Зовите, зовите, Мария Львовна, а мы им покажем этот документ, а еще у меня письмо есть. Для вас. От моего отца, Ивана Петровича, – и наглец вытащил из черной кожаной папки запечатанный конверт без подписи.

Меня трясло. То ли от холода – с улицы дуло, а на мне был тонкий ситцевый халат да тапки на босу ногу – то ли от сильных чувств. Я пыталась столкнуть ботинок этого мошенника со своего порога, да куда мне в семьдесят лет справиться с таким бугаем!

– Не скроетесь вы от правды, Мария Львовна, даже не надейтесь. Половина этой квартиры моя, и здесь будет жить мой сын во время учебы. Ничего вы с этим не поделаете.

– Замолчите! Убирайтесь!

Дыхание сбилось. В сердце кольнуло болью. В висках загрохотал пульс. Всем своим цыплячьим весом я повисла на двери, пытаясь захлопнуть ее перед лицом мерзавца.

– Пришло время тайному стать явным, – продолжал толстяк, лихорадочно сверкая поросычьими глазками. – Ваш муж Иван Петрович какое-то время жил на две семьи. Когда работал вахтами.

Ванюша и правда несколько лет работал вахтовым методом. Но это ничего не доказывает! Как и письмо, как и завещание. Наверняка дешевая подделка.

Зрение помутилось. Я моргнула, пытаюсь прогнать туман перед глазами, но лучше не стало. В груди жгло, боль отдавалась под левую лопатку.

— И в этот период жизни у него родился сын. На стороне. От другой женщины. Я.

Это неправда. Ваня не мог поступить со мной настолько подло. Я же на старости лет за ним утки выносила, потом, когда он немного оправился от инсульта, на себе его в туалет таскала. А в молодости от перспективной должности отказалась, чтобы быть хорошей женой и матерью. Нашла работу попроще, но с удобным графиком, чтобы мужу и сыновьям уделять больше времени. Не мог человек, которому я всю жизнь посвятила, взять и изменить. Ложь это все! Клевета! Навет.

— Он и мне письмо оставил, — не унимался мужик в пуховике. — Там все написано. Под конец жизни отец раскаялся, что сына бросил, и завещал мне свою долю в квартире.

На грудь словно гирию положили. В ушах шумело. В глазах двоилось. Резкий приступ боли — и я пошатнулась, схватившись за сердце.

— Что с вами? — донеслось словно издалека, сквозь толстый слой ваты. — Мария Львовна?

Теряя сознание, я сползла по стене под дверь.

* * *

Никак не получалось сфокусировать взгляд. По краям зрения клубился белый туман. Коленями я чувствовала твердость холодного камня, ладонями — что-то мягкое и неприятно мокрое.

— Шевелись, бездельница! — раздался позади визгливый женский голос.